

Как Гена Щукин шагнул в бессмертие

В Красноярске в районе станции Енисей вот уже которое десятилетие принимает юных книголюбов библиотека имени Гены Щукина. Но почти всегда, когда я называю эту фамилию, слышу в ответ недоумённое: «А кто это?»

Честное пионерское

В далёком 1948 году на карте краевого центра появилась библиотека, которой было присвоено имя мальчика, даже не успевшего совершить подвиг или поступок в духе Павлика Морозова, а точнее — в духе того времени, когда проходило становление советской власти.

О Щукине очень мало информации. Родился в Красноярске, где и прошло его детство. А через девять лет вместе с матерью и отчимом Константином Акимовым переехал в село Шира. Там учился во втором классе. Отчим работал механиком в автоотряде.

Вот как описал ту давнюю трагедию в газете «Красноярский комсомолец» за 3 февраля 1956 года (то есть почти через 20 лет) журналист И. Трегубов:

«...Гена тогда не знал, что его отчим — бывший крупный кулак, в душе которого глубоко засела ненависть к советским людям, строящим счастливую жизнь. Он не знал, что в глухие ночи Акимов уходил из дома, пробираясь в гараж и портил машины с таким расчётом, чтобы они утром, выйдя в рейс, надолго останавливались где-то на полпути.

Вечером первого февраля 1937 года Гена поздно вернулся из школы, где был пионерский сбор, посвящённый памяти С. М. Кирова. Гена заметил, что в комнате за столом сидели Акимов и незнакомый мужчина.

Гена разделся и юркнул на печь. Хотел уснуть — но вдруг...

— А я говорю, что сегодня ночью надо поджечь гараж! — голос Акимова дрожал. — Почти все машины здесь...

— Ты... тише!
У Гены кровь бросилась в лицо. Гараж... сегодня ночью — нет, этого не должно быть! Он — пионер, такой же, как Павлик Морозов. Поэтому он сейчас же обо всём расскажет в НКВД, либо коммунисту-шофёру Петру Андреевичу Ключеву.

— Я обо всём расскажу, — соскочив с печи, заявил Гена. Враги пытались задобрить его, но Гена решительно направился к двери.

Отчим бросился за Геной с топором и догнал его в сенцах... Так героически погиб пионер Гена Щукин. Врагам не удалось осуществить свой гнусный замысел, они были разоблачены...»

Залп тяжёлой артиллерии

Начала же раскручиваться эта история так: в «Советской Хакасии» (именно так называлась тогда эта газета — с двумя «с») 9 февраля 1937 года под рубрикой «Происшествия» появилась малосенсационная заметка, автор которой переврал фамилию:

«В ночь на 2 февраля помощник механика гаража Шириной базы «Союззолото» Есимов зарубил топором своего четырнадцатилетнего пасынка, ученика школы. По делу ведётся следствие».

Да мало ли тогда совершалось злодейств? Не меньше, думаю, их происходит и сегодня. Однако, напоминая, на дворе был 1937 год. В Москве проходил судебный процесс над анти-советским троцкистским центром.

Наверное, агитпропу требовались политические враги, а не просто уголовники. Таковым, видимо, решено было сделать и Константина Акимова (кстати, буквально в следующей публикации Гена Акимов, как по мановению волшебной палочки, стал Щукиным).

Залп тяжёлой артиллерии по «несознательной» газете «Советская Хакассия», не увидевшей политической подоплёки пусть и в мерзком, но всё-таки в уголовном деле, выдал «Красноярский комсомолец», он первым сообщил кое-какие подробности об убийстве на следующий день, когда в Хакасии только задумывались над тем, что делать.

Затем на страницах краевого молодёжного издания, будто из пулемёта, вышли ещё три публикации — «Убийца пионера был связан с троцкистскими гадами», «Злодейское убийство пионера» и, особенно похожая на донос, — «Политические слепцы».

В одной из них говорилось следующее: «Ночью, 3 февраля, в Шира зверски убит пионер-отличник, активный общественник школы Золотопродснаба Геннадий Акимов. Убийца — приёмный отец Константин Акимов. Убийца был связан с разоблачёнными троцкистскими гадами — Тмериным, Смолиным и Истоминым. Они часто собирались на квартире Акимова, который разделял их антисоветские взгляды. Ночью, когда Гена был один, бандит топором изрубил пионера».

Все данные заставляют предполагать, что преступление совершено на политической почве, но между тем в районе этому не придали должного значения. Районная газета отделалась короткой заметкой. На заседании бюро райкома комсомола, собранного только в день нашего приезда, пионервожатый Курленко пытался всячески затушевать истинное лицо преступника, замалчивая его связи с троцкистами, совместные пьянки и т. д.

Искреннее возмущение пионерской организации против наглого убийства никто не возглавил. Неизвестно, из каких соображений обком комсомола дал задание — среди

Один за другим появлялись отклики под говорящими названиями: «Пионеры беспощадны к врагам народа», «Пособник троцкистов злодейски убил пионера», «Требуем сурово наказать убийцу»...

пионеров вопрос об убийстве пионера Гены не поднимался».

Затем следует подпись автора В. Смирнов и многозначительная приписка от редакции:

«Нас удивляет поведение хакасского обкома комсомола и районных организаций в расследовании этого преступления. Просим краевого прокурора тов. Коваленко привлечь банду троцкистских убийц к самому суровому наказанию».

После этих строк головы хакасских руководителей непременно должны были полететь, хотя они тут же сориентировались, перепечатав одну из заметок «старших товарищей», и тут же включились, вместе с «Красноярским железнодорожником» и выходящей под эгидой «Красноярского рабочего» пионерской газетой «Сталинские внучата», в процесс «разоблачения» «врагов народа».

Надо признаться, сам патриарх краевой печати стоял в стороне и свысока наблюдал за происходящим: «Красноярскому рабочему» и без того забот хватало...

Пошумели и забыли...

Один за другим появлялись в печати отклики под говорящими названиями: «Пионеры беспощадны к врагам народа», «Пособник троцкистов злодейски убил пионера», «Требуем сурово наказать убийцу», «Ни один враг не скроется на нашей земле», «Утратившие всё человеческое», «Враги просчитались».

Во всех пионерских отрядах школ проходили митинги, посвящённые Гене Щукину с требованиями применить самые суровые наказания к подлому убийце — Акимову. Юные ленинцы поддержали обращение своих товарищей из средней школы рудника «Коммунар» о постройке в Шира Дома пионеров имени Гены Щукина (интересно, сохранился ли он?).

Пионерка из Минусинска Валя Субботина обязалась вышить портрет Гены, четвёртый отряд пообещал сделать макет посёлка Шира.

Единственная сохранившаяся фотография Гены Щукина.

Дверь в библиотеку, носящую имя убитого пионера.

Товарищи Поляков и Сафьянов намеревались приготовить чучела таёжных птиц...

Конечно, отчим сознался, что убил Гену Щукина, боясь разоблачения антисоветской деятельности группы троцкистов, в которой состоял сам.

Впрочем, в некоторых публикациях промелькнуло, что Константин Акимов и его собутыльники часто выпивали, а после совершения преступления он попал в психиатрическую больницу.

Скорее всего, убийца был зурядным алкоголиком, да ещё к тому же психически ненормальным. Но время требовало совершенно иного. В очередной заметке журналиста «Красноярского комсомольца» В. Смирнова читаем:

«Перед убийством пионера Геннадия убийца Акимов ездил в Новосибирск, где продолжительное время проживал у бывшего начальника транспортной конторы золотопродснаба Емелина, разоблачённого троцкиста, исключённого из партии. Точно установлено, что убийца был тесно связан с Емелиным и его пособниками Истоминым и Шмидтом...»

Гена Акимов был дружен с пионером Пономарёвым, часто Пономарёв ночевал у Акимовых. В день убийства преступник приказал Гене больше пионеров домой не водить. Это ещё раз подтверждает преднамеренное убийство вопреки существующему здесь мнению, что убийство совершено на почве ревности в невменяемом состоянии.

«Озабоченный ходил Гена последние дни, — писали «Сталинские внучата», — и только преступная невнимательность вожатой пионеротряда Курлени и других работников школы не помогли разобраться Гене во всём окружающем, не могли оградить его от отца-преступника. Эту преступную невнимательность к нуждам школьников и до сих пор можно видеть в ширинском общежитии учащихся, которые живут в сыром помещении, без постельного белья и скверно, всухомыятку питаются».

Постепенно, как это всегда бывает, лавина писем, обливающих убийцу, схлынула, а потом и вовсе сошла на нет. Просматривая газеты за 1937 год, мне так не удалось обнаружить информацию о том, прошёл ли в Шира обещанный судебный процесс и какую кару понесли преступники. Хотя последнее, думается, в комментариях не нуждается.

Спустя короткое время Гена Щукин забылся, потому что на первый план вышли другие события — героические и трагические. Где-то совершали свои полёты Чкалов, Байдуков и Беляков, Коккинаки и Бряндинский, страна готовилась к принятию новой Конституции и выборов в Верховный Совет СССР.

Однако 12 сентября того же 1937-го в Берёзовке Курагинского района некими Матух-

леевым и Тарановым был убит пионер Алёша Манаенко, памятник которому до сих пор стоит в центре села.

В Интернете на сайте «Они тоже строили новую жизнь» есть страшный список детей, убитых в тридцатые годы — более пятидесяти имён: застрелен, задушен, зарезан, замучен, зарублен топором, заморожен, повешен, утоплен...

Наш «Павлик Морозов»

В сороковых годах, после войны, в Красноярске начали открывать библиотеки, которым присваивали громкие имена. Выбор пал и на Гену Щукина, который даже до двери добежать не успел, но тем не менее стал нашим местным «Павликом Морозовым»...

Надо ли сегодня что-то переименовывать? Нет, конечно, это же часть нашей истории. Да и само переименование для сотрудников библиотеки, насчитывающей 36 тысяч томов и более трёх с половиной тысяч читателей, живущих на большой территории правобережья, вплоть до «Турбазы», наверное, не самое главное. Здесь мечтают о новом помещении, чтобы отделиться, наконец, от назойливых соседей — общежития, ютящегося с ними в одном здании, да бараков напротив.

Заведующая библиотекой Анна Михалищева рассказывает, что ребяташек, впервые сюда приходящих, обязательно подводят к уголку с немногими материалами о маленьком пионере о котором известно совсем чуть-чуть: он ведь — не Володя Дубинин, не Олег Кошевой или Зоя Космодемьянская.

Да и объяснить сегодня мотивы поступка отчима, кинувшегося с топором на ребёнка, нелегко: не проще ли было взрослому поймать мальчишку, запереть где-нибудь, поговорить?

Существует письмо сводной сестры Гены Щукина — Кондрашёвой-Перепилициной. По её словам, которые основываются на воспоминаниях матери (опять вопрос: где была мама?), Акимов хотел сжечь не машины, а продукты, приготовленные для отправки в отдалённые районы, где на рудниках трудились люди, которые в случае успешного проведения диверсии остались бы умирать голодной смертью.

Отчим, от которого, похоже, не осталось ничего, кроме фамилии, говорят, ударился в бег. Поймали или нет? Также не известно.

Письмо сестры сегодня есть в библиотеке, как и единственная сохранившаяся фотография Гены, которому на ней 4—5 лет.

Октябрьская революция породила мощный социальный конфликт в обществе, когда брат пошёл на брата, сын — на отца, а Гена Щукин — на своего отчима. Об этом нужно помнить всегда, и, может быть, даже хорошо, что у нас есть библиотека, носящая имя забытого героя того далёкого и кому-то уже и непонятного времени.

Сергей ПАВЛЕНКО.
Фото из архива редакции.